

Олеся Бережная

18+

Правдивые истории провинциальных девочек

Сборник рассказов

Олеся Бережная

**Правдивые истории
провинциальных девочек**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Бережная О. Л.

Правдивые истории провинциальных девочек / О. Л. Бережная —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5321-0170-8

На Дальнем Востоке России расположился миниатюрный Благовещенск с населением примерно в 200 тысяч и Китаеом "через дорогу". В городе великое множество кафе, стоматологических клиник и представительниц прекрасной половины человечества. Последние - крайне образованные, необычайно красивые и вполне себе умные. Истории, собранные в этой книге - о них. И каждая основана на реальных событиях. Не ищите в этих историях глубокий смысл. Они простые и местами банальные. Зато правдивые. Даже если с первого взгляда покажется, что нет.

ISBN 978-5-5321-0170-8

© Бережная О. Л., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Благодарности	5
От автора	6
История первая. Про орангутана и бабье невезение	7
История вторая. Бескорыстная женская	13
История третья. Героиня нашего времени	17
История четвёртая. «Будь счастлива. Пашка»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Благодарности

Огромное спасибо ЛитРес: Самиздат за возможность осуществить давнюю мечту.
Не менее огромное спасибо моему другу Алексею Василенко за помощь в создании книги.

Моя сердечная благодарность Анне Арыку за чудесную обложку.

От автора

Рассказы, собранные в этой книге, в своё время были опубликованы в любимом мною, а ныне почившем Благовещенском глянцево-м журнале CHAROIT, в котором мне посчастливилось работать автором. В сборник вошли не все рассказы, а те, которые вошли, претерпели, пусть и незначительные, но всё-таки изменения. Собственно, сам сборник посвящён уникальному женскому коллективу журнала, с благодарностью за то, что позволили быть частью редакционной семьи. Нигде и никогда больше я не встречала такой концентрации в одном месте умных, красивых и талантливых женщин.

Несколько слов о самих историях.

Все они – о благовещенках, жительницах провинциального городка на границе с Китаем. Благовещенск – чудесное место, расположенное настолько далеко от столицы, что его жителям всегда было дешевле и быстрее слетать на море, скажем, в Тайланд или Вьетнам, чем посетить Москву, Питер или Сочи. Не смотря на свою крохотность и провинциальность, это город образованных, талантливых и амбициозных людей. А ещё уникальных, восхитительных и сильных представительниц прекрасной половины человечества. Важная деталь: кто называет Иваново городом невест, просто никогда не слышал про Благовещенск – неравное соотношение количества мужчин и женщин здесь намного глобальнее и не в пользу последних. Возможно, поэтому встретить неухоженную девушку на улицах города практически невозможно.

Истории, описанные в этом сборнике, имели место случиться на самом деле. Пусть, где-то я и позволила себе немного приукрасить действительность, но каждый сюжет взят из жизни. Надеюсь, рассказанные мною истории доставят Вам удовольствие.

Приятного чтения!

С благодарностью к каждому читателю, Олеся Бережная.

История первая. Про орангутана и бабье невезение

Танька – невысокая худющая девица в возрасте 26 лет с глазами оленёнка Бэмби из мультика – всегда считалась в нашей компании невезучей. Ещё со студенчества.

К примеру, на экзамене у самой стервозной преподши именно она из всего потока попала со шпаргалкой. Причём, не со своей, а с подружкиной. Та на свою голову попросила «незаметно передать» крохотный листик одногруппнику.

В результате отличницу Таньку выгнали из аудитории, а за экзамен, который она потом пересдавала пять раз, вlepили «тройку». Именно эта «тройка» помешала Таньке получить красный диплом. Но пересдавать её на пятом курсе она не стала. Хотя декан лично уговаривал. Просто Танька уже тогда была не только невезучей, но ещё и гордой.

Поэтому и бойфренда – свою первую большую любовь – не простила, когда он изменил ей с соседкой по комнате, а потом раскаялся. Долго каялся. Где-то с полгода. Затем плюнул, женился на той самой соседке и укатил в Австралию. Мы ещё потом несколько лет на Таньку «цыкали», нудя в ухо о провороненном счастье.

После вуза у неё случилась вторая сильная любовь. Которая сначала дарила охапками розы, а потом уговорила взять на своё имя кредит. И получив наличные, испарилась бесследно. А чтобы тот кредит выплатить, Таньке пришлось устроиться на вторую работу, пожертвовав субботой и воскресеньем.

Мы снова «цыкали», на этот раз по поводу её излишней доверчивости. Но та – знай себе – работала, да выплачивала этот самый кредит. И, по-моему, даже не сильно переживала.

Вот только розы возненавидела.

А третья большая любовь у Таньки случилась с каким-то женатиком. Правда, целый год строившим из себя холостяка. Он даже в нашу компанию был вхож. Весь такой серьёзный, с благими намерениями. Пока однажды в этой же самой компании не встретил сестру своей жены, приехавшую из другого города на встречу однокурсников (Амурская область компактная, все жители – как одна большая семья).

Такая встреча, казалось бы, случайность совершеннейшая. Но раскрыла и статус женатика, и его враньё. Правда, женатик не отчаивался. Настойчиво блял Таньке в ухо про тяжёлую судьбу и предстоящий развод. Но Танька не слушала. Она же гордая.

Хоть и невезучая.

Так и жила. Неплохо зарабатывала, всем своим близким помогала. А после трёх неудачных попыток обзавестись любовью всей жизни совершенно перестала обращать внимание на ухаживания мужчин. Редкие свободные вечера проводила с нами, своими друзьями. Обычно по большим праздникам. Например, когда случался чей-то день рождения.

Как, например, тогда, когда Маринка – весёлая девица с мужем, сыном и широкой душой – решила заткнуть в честь своего тридцатилетнего юбилея пир на весь мир в квартире нашего общего друга. Друг недавно переехал в большие и просторные апартаменты, в которых на тот момент успели побывать все, кроме Таньки.

Купив хризантемы, Танька поехала на день рождения подруги. Добралась до подъезда, озадаченно почесала затылок, затем достала сотовый и набрала Маринкин номер.

– Мариш, напомни квартиру, а? – попросила Танька.

– Я сама не помню, – весело проверещала Маринка, – мы сейчас всей толпой в магазине. Поднимайся на пятый этаж. Там дверь должна быть открыта. Заходи, мы скоро будем, – и отключилась.

Танька поднялась на пятый этаж, где одна из трёх входных дверей действительно оказалась незапертой.

– Есть кто живой? – осторожно спросила Танька тишину, заглядывая в первую попавшуюся комнату. А в следующий момент обернулась на чьи-то шаги сзади.

Из комнаты напротив вышел здоровенный – ростом под два метра – блондин. С не менее здоровенными руками, плечами и блондинистым хвостом на затылке. Из видимой одежды на нём были только джинсы, от чего Таньке стало как-то неловко. «Орангутан», – чуть не сорвалось с Танькиных губ.

– Ну, я живой, – лениво ответил «орангутанг», откровенно с головы до ног рассматривая гостью.

От этого его взгляда Таньке ещё больше стало не по себе.

Зато блондин демонстрировал спокойствие удава под наркозом.

Медленно прошагав к входной двери, он закрыл её на ключ и сунул его в карман джинсов.

Почувствовав где-то в районе груди зачатки тревоги, Танька проговорила:

– Я на день рождения к Марине пришла.

– Тут нет Марины, – невозмутимо ответил блондин и сделал шаг к Таньке.

– Но она должна сюда прийти, я с ней только что разговаривала... – почти шёпотом проговорила Танька.

– Я никого не жду, – ответил блондин и сделал ещё пару шагов в сторону гостьи, не отрывая от неё глаз.

Танька невольно пятилась назад, пока, наконец, не упёрлась спиной в стену.

– Я на день рождения... Мне сказали сюда прийти... – приступ паники мешал думать и формулировать мысли.

– Очевидно ты ошиблась, – блондин почти вплотную подошёл к Таньке.

– Тогда, можно я пойду? – прижав к груди хризантемы, услышала она свой хриплый голос.

– Пока не знаю, – он подошёл так близко, что, наверное, слышал, как бьётся Танькино сердце. Оперевшись обеими руками о стенку, перекрыв ей все пути к отступлению.

Несколько секунд они вот так, молча, стояли, уставившись друг на друга. Танька – в страхе, блондин – в интересе, старательно разглядывая свою пленницу.

Затем вдруг также молча отошёл назад, достал из кармана ключи, прошагал к двери, открыл её и едва заметным кивком головы указал Таньке на выход.

Танька тут же рванула из квартиры и помчалась вниз по лестнице, чувствуя, как слёзы подкатывают к горлу.

С первого этажа доносились весёлые голоса шумной компании.

– Тань, ты чего? – озабоченно глядя на подругу, спросила Маринка, когда та чуть не сбила её с ног. – Куда летишь-то? Пошли наверх. Серёга, оказывается, закрыл квартиру, так что мы поторопились обратно, чтобы ты нас не ждала под дверью. Ну, пошли же! Да что с тобой?!

Но Танька едва могла разобрать её слова, пытаясь уговорить стук собственного сердца. Затем пробормотала «всё в порядке», и компания поднялась наверх.

А через пятнадцать минут уже сидела за праздничным столом в Серёгиной квартире, располагавшейся напротив той, в которую угораздило нечаянно попасть Таньке.

– Я тебя сегодня с Серёгиным другом детства познакомлю, – воодушевлённо болтала Маринка. – Неделю назад вернулся в Благу по делам. Оболденный человечиче! И красивый, зараза! Лёхой зовут.

Танька молча кивала, накладывая себе в тарелку селедку под шубой.

– А вот, кстати, и он, – Маринка расплылась в улыбке и под всеобщую приветственную радость кинулась к только что вошедшему гостю.

Танька оторвала глаза от селёдки и в изумлении уставилась на вошедшего.

А вошедший – на Таньку.

Орангутан из квартиры напротив.

Он же – Лёха.

Веселье было в разгаре. Все шутили, смеялись, кто-то играл на гитаре. А Лёха, специально севший поближе к Таньке, смотрел на неё, наблюдая за тем, как она изо всех сил старается его игнорировать.

– Лёш, ты чего на Танюшу нашу смотришь? Понравилась? – игриво поинтересовалась Маринка.

– Очень, – не отводя глаз от Таньки, ответил Лёха.

– Взглядом соблазнить пытаешься? – хихикала Маринка.

– Пытаюсь, – ответил Лёха, затем наклонился к Таньке и почти шепнул ей на ухо, – у меня получается?

– Пока только раздражать, – сквозь зубы прошипела Танька. Затем, почувствовав, что не в состоянии больше выносить общество «орангутанга», поднялась со своего места, пробормотала «извините» и вышла из квартиры.

Лёха догнал её у дверей подъезда.

– Да подожди ты, куда летишь? – осторожно схватив Таньку за руку, прижал её к стене и снова перекрыл пути к отступлению.

– Пусти, а? – не поднимая глаз на Лёху, попросила Танька.

– Да перестань. Ну? Посмотри на меня. Разве я похож на маньяка?

– Зато ведёшь себя как маньяк.

– Извини. Я не хотел тебя напугать. Когда понял, что ты боишься – сразу открыл дверь и выпустил. Ну что я, по-твоему, мог с тобой сделать? Ну? Да посмотри ты на меня!

– Не хочу, – отводя глаза, сердилась Танька.

– Вредина.

– Орангутан.

Лёха хихикнул.

– Ладно если ты так хочешь домой – я тебя отвезу.

– Спасибо, сама доберусь.

– Это не предложение, – завершил разговор Лёха и за руку повёл Таньку к своей машине.

Всю дорогу они молчали. Танька злилась на себя и на спутника. Лёха едва заметно улыбался. Подъехав к Танькиному дому, вышел из машины, открыл дверцу с её стороны и помог выйти:

– Увидимся, – сказал он на прощанье.

– Да пошёл ты! – фыркнула Танька и стремительно зашагала домой, услышав за спиной лёгкий смешок.

А вечером следующего дня на зазвонившем телефоне высветились циферки:

– Ты что предпочитаешь: комедию или драму? – вопрошал из трубки Лёхин голос.

– Ужасы, блин! – огрызнулась Танька, отчаянно ненавидя Маринку за то, что раздаёт номер её телефона всем подряд. – Тебе чего надо?

– Через двадцать минут заеду, пойдём на ужасы значит.

– И не мечтай, – последнюю фразу она сказала уже гудкам.

Ровно через двадцать минут Лёха стоял у Танькиного подъезда и методично названивал ей на телефон. Танька сердито нарезала круги по квартире, отключив звук на сотовом, и что-то бормотала себе под нос. Пока не услышала протяжный звук клаксона и возмущённый голос бабушки с нижнего этажа.

– Ты что творишь? – прошипела Танька, выйдя, наконец, на улицу.

– Использую все средства, чтобы выманить тебя из квартиры. На цивилизованные ты не реагируешь. В кино поехали? Скоро начнётся твой ужастик. Будешь стоять тут передо мной в позе сахарницы – опоздаем.

– Я никуда с тобой не поеду.

– Почему?

– Потому что ты мне не нравишься.

– Врёшь.

Танька обречённо вздохнула... Лёха тоже.

– Слушай, ну дурак я, зря тебя вчера напугал. Но это ведь не повод ставить на мне крест? Давай подружиться?

– Я не дружу с волосатиками, – заявила Танька, и Лёха от неожиданности потерял дар речи. А Танька, внутренне смакуя маленькую победу, поспешила ретироваться домой. Уже заходя в подъезд, услышала, как отъехала Лёхина машина. И от этого ей почему-то стало грустно.

И весь последующий час ей было грустно. Она гипнотизировала телефон, пыталась прогнать необъяснимое чувство вины. Боролась с желанием позвонить и начать извиняться перед этим самовлюблённым самцом, и злилась сама на себя за это своё желание.

Но через час телефон зазвонил сам:

– Выходи. Я подъехал. Если поторопишься, успею на следующий сеанс.

Танька выглянула в окно. Оперевшись на авто, стоял Лёха, и волосы на его голове были не длиннее сантиметра.

– Ну, теперь-то мы можем дружить? – улыбаясь, спросил Лёха, когда Танька подошла к машине.

– Зачем всё это? – подозрительно спокойным голосом поинтересовалась Танька. – Затем, чтобы со мной переспать?

Лёха перестал улыбаться:

– Это всё затем, что ты мне нравишься.

– Ну... то есть, чтобы со мной переспать.

– Хватит нести чушь! В кино опаздываем!

– Послушай... – Танька очень серьёзно посмотрела на Лёху. – Давай ты сейчас уйдёшь.

И мы будем жить дальше, каждый своей жизнью.

– Но я не хочу уходить. Я хочу в кино с тобой. Потому что ты мне нравишься. Я хороший парень. И если ты тоже будешь хорошей девочкой, скоро сама в этом убедишься.

– А если я не хочу понимать? Не хочу, чтобы ты мне нравился?

– Это ещё почему?

– Да потому что ты всё равно уйдёшь. Не сейчас, так потом. Но потом мне, возможно, уже будет больно. А я не хочу, чтобы мне было больно. Понимаешь?

Лёха внимательно посмотрел Таньке в глаза.

– Но ведь ты тоже можешь уйти. Не сейчас, так потом. И мне, скорей всего, тоже будет больно. А может быть, тебе не захочется уходить. И ты останешься со мной. И никому больно не будет. Я ведь тебе нравлюсь, Тань. Я это чувствую. И ты мне нравишься. Давай сегодня просто сходим в кино. М? Я и так заплатил за свою вчерашнюю выходку, – сделав страдальческое выражение лица, Лёха повертел стриженной головой. – Может, смилостивишься, и мы-таки поедем смотреть твой ужастик?

Впервые с момента их знакомства Танька улыбнулась. И они поехали в кино. А потом в кафе. А потом к Лёхе в квартиру. И Таньке в Лёхиной квартире уже не было страшно.

А на следующий день он исчез.

Подвёз утром на работу, поцеловал на прощание, улыбнулся, сел в машину и уехал.
И больше не звонил.

И на следующий день тоже.

Зато позвонила Маринка.

– Танюш, ты уже знаешь новости?

Об этой аварии тогда долго судачила вся область. Сразу четыре машины по вине одного водителя маршрутного такси. Двое пострадавших с серьёзными травмами. Один из которых – Лёха.

– Пострадал позвоночник, – сухо откомментировал доктор, – пока сложно делать прогнозы. Будем надеяться на лучшее.

И Танька всю последующую неделю надеялась на лучшее, в ожидании пока Лёха придёт в себя. А когда Лёха пришёл в себя, выяснилось, что он парализован ниже пояса.

– Надежда, конечно, есть, но на реабилитацию могут уйти годы, – с этими словами врач вышел из палаты.

А Танька посмотрела на Лёху и беззаботным голосом подытожила:

– Что ж, всё могло быть намного хуже. Значит, будем трудиться.

– Будем?

– Да. У тебя много дел. И у меня тоже. За неделю, пока ты был в отключке, тебя потеряли на работе. Я переписала все звонки и фамилии с именами. Будь добр, разберись с этим.

– Ты чего тут раскомандовалась?!

– У нас новые правила. Кто ходит, тот и командует.

– Чего?!?

– Кстати, у тебя сегодня консультация мануального терапевта и ещё нескольких врачей. Будут составлять план твоей реабилитации.

– И что, ты всерьёз собралась теперь всё время торчать здесь, со мной?

– Вообще-то «здесь, с тобой» я собралась торчать ещё недели две, до твоей выписки. А потом я буду торчать с тобой в квартире, которую сняла специально для тебя на первом этаже. Всё, что выше первого этажа, тебе сейчас не пригодится. В квартире, кстати, кровать уже куплена – тебе понравится. Надо будет после всех консультаций правильно измерить расстояние до потолка, чтобы прикрепить к нему тренажёр над кроватью. И вообще, хватит разговоров. Мне пора на работу, а у тебя скоро консультации, – и Танька направилась к выходу.

– Надрать бы тебе задницу, – сквозь зубы прошипел Лёха.

– Ну, так встань и надери, – с этими словами Танька вышла из палаты.

А никто и не ждал, что будет легко. Танька знала, что здоровенному орангутангу Лёхе будет трудно чувствовать свою беспомощность рядом с маленькой худой девицей. Поэтому его попытки прогнать её из палаты и из своей жизни она пропускала мимо ушей.

Он говорил, она язвила.

Он выгонял, она не уходила.

– От тебя можно хоть как-то избавиться? – злобно рычал Лёха на Таньку.

– Разумеется. Попробуй мне изменить, и я исчезну. Только сейчас тебе это вряд ли удастся, – и Танька отправлялась варить суп с курицей и строгать салат из свёклы с капустой. Орангутану Лёхе требовалось правильное питание.

Воевать они перестали через месяц. А ещё через пять друзья подогнали Лёхе инвалидную коляску. Потому что он уже мог сидеть и даже научился самостоятельно спускаться и подниматься в этой самой коляске на первый этаж.

Встал на ноги он ровно через год после аварии. А через неделю перевёз Танькины вещи в свою квартиру на пятом этаже. В ту самую, где впервые увидел Таньку.

На церемонию бракосочетания они явились в джинсах. Поставили печати в паспорте и прыгнули с друзьями в автобус, который увез всех нас за город на шашлыки, отмечать рождение новой семьи.

Через три года Танька родила второго сына, Елисея. Первому, Богдану, на тот момент уже исполнилось два года. Хотя Танька мечтала о дочке.

– Ну, ничего, третьей точно рожу девочку! – авторитетно заявляла счастливая Танька.

– Обязательно, милая, – улыбался муж и нежно целовал Таньку в губы.

Очевидно, в рождение дочки он мало верил. И оказался прав. Третьим родился Ванечка.

Но Танька не сдаётся. И лично я до сих пор верю – будет у Таньки дочка! В четвёртый раз точно!

Ну, должно же ей хоть раз в жизни повезти?

История вторая. Бескорыстная женская

Их дружбы никто никогда не понимал. Ни друзья, ни соседи, ни родители.

Во всяком случае Катькины. Те всячески недоумевали, что их примерную девочку связывает с распушенной Людкой? Кстати, распушенной, по мнению Катькиных же родителей, Людка была из-за вседозволенности. А вседозволенность уже досталась Людке бонусом, в довершение к чрезмерной занятости её родителей.

В детстве их связь объяснялась жизнью в соседних подъездах. Понятно, что с младенчества знакомы, катались на одной карусели, дразнили одних и тех же мальчишек...

А потом ещё и в один первый класс пошли. И за одну парту сели. И по умолчанию стали лучшими подругами.

А потом пришли девятые, и всё вокруг менялось с такой скоростью, что далеко не все успевали адаптироваться.

Катькины родители, к примеру, не успели.

И потому пополнили ряды «оставшихся на обочине». Катькин отец месяцами не получал зарплату, а Катькина мама варила бульон из капусты и кубика «Магги».

Зато Людкины родители быстро сообразили, что делать.

Открыв пару магазинов, регулярно мотались на другой берег, в Хэйхэ, за товаром и складировали дома еду, шмотки и денежные купюры. Сами же дома практически не бывали. И Людка творила что хотела.

Быстро съехала по учёбе, связалась с дурной компанией и начала пробовать всё, что в 14 лет запрещено пробовать на законодательном уровне.

А Катька училась.

Потом приходила домой, делала уроки, хлебала капустный бульон и мечтала о новом платье. Катька мечтала, а Людка приходила к ней в гости и хвасталась. Новым платьем, джинсами и новостью об отпуске за границей. И при этом вопрошала: «Есть что пожрать?», сетуя на отсутствие в родном доме семейного тепла и домашней еды.

Доедала остатки капустного бульона и отправлялась на встречу со своими друзьями.

Без Катьки. Во-первых, Катьку всё равно бы не отпустили родители. Во-вторых, Катька всё равно бы не пошла, ибо друзья Людкины одевались с иголки и на таких, как Катка, смотрели свысока. А в-третьих, Людка никогда не звала Катьку с собой. Не нужна ей была подруга в той компании. Слишком она, Катька, для той компании занудная. Не пьёт, не курит, на мальчиков не смотрит.

А в школе они по-прежнему сидели за одной партой.

Людка списывала у Катьки алгебру, рассказывала о новых приключениях, после уроков перлась к Катьке на обед, а затем по своим разгульным делам.

Так и дружили.

И что их связывало, понять никто не мог.

А Катькино окружение даже пыталось развести девок по разным углам.

– Ты что, не понимаешь, что она тебя использует? – кричала Катькина мать, доваривая бульон из капусты. – Она ничего тебе не даёт! Только берёт! Уроки списывает, объедает тебя! У самой денег вагон, а ни разу не принесла вшивой шоколадки!

Это было чистой правдой. Людка никогда ничем не помогала Катьке.

Пунктик был в голове у Людки: боялась она «дружбы из-за бабла», поэтому никогда ничего Катьке не давала. Боролась за чистоту отношений, так сказать.

Катьку иногда это бесило. И они ссорились. Как раз из-за бабла.

– Была бы ты нормальной подругой, не стала бы перед моим носом шмотками новыми трясти! – вопила Катька.

– А ты была бы нормальной – порадовалась бы за меня, а не завидовала!

Катька зеленела от злости, Людка прогуливала школу, чтобы не видеть соседку по парте. А спустя несколько дней звонила ей и предлагала мир. И Катька предложение принимала. Потому что искренне подруге сочувствовала.

Ведь обе прекрасно понимали: завидовала на самом-то деле вовсе не Катька Людке, а Людка Катьке. Всегда сваренному обеду, домашнему уюту и семье.

У Катьки, живущей в прямом смысле за чертой бедности, была семья.

А у Людки была лапша быстрого приготовления, куча разложенных прямо в её комнате коробок с всевозможным товаром, новенький «двухкассетник» из Китая и видеоплеер оттуда же. А семьи не было.

Катька была её семьёй. До самого одиннадцатого класса.

Людка боялась потерять Катьку, слушала её занудные нравоучения про учёбу и даже принимала их во внимание. Вероятно, поэтому дурная компания не засосала Людку основательно, и та умудрилась прилично закончить школу.

А после выпускных экзаменов они разъехались в разные стороны земного шара.

Людка, благодаря родительским деньгам, свалила в Америку.

Катька, благодаря хорошему аттестату – на бюджетное место в соседствующий с домом вуз.

В следующий раз подруги встретились уже в двухтысячных.

Взрослые, с дипломами и планами на жизнь.

Людка планировала отдохнуть полгода в России и вернуться в штаты, а Катька – выйти замуж за Дениса и уйти в декрет.

Денис, кстати, очень понравился Людке!

Такой прям мужчина!

Высокий, красивый, серьёзный – весь из себя надёжный.

– Везёт тебе, Катька, – вздыхала Людка, любуясь будущим мужем подруги. – У тебя семья будет. А у меня – работа в стерильном офисе, статус иностранки и жизнь подальше от родителей, которые готовы заплатить любые деньги, лишь бы за океан меня выслать.

– Не говори ерунды! – отвечала Катька. – Найдёшь в штатах свою любовь, будет и у тебя семья! Главное – немного подождать.

И Людка действительно немного подождала – буквально чуть-чуть, до ближайшего отъезда Катьки на один денёк к родителям. Тем же вечером нарисовалась в гости к Денису, угостила его дорожным ромом из «Дьюти фри» и осталась до утра.

Их в одной постели Катька по утрам и застала.

По-моему, звон разбивающегося на осколки Катькиного сердца можно было даже услышать. Но внешне Катька держалась молодцом. Многозначительно взглянула на бывшего жениха и такую же бывшую лучшую подругу, не сказав ни слова, развернулась и ушла.

Денис тем же утром протрезвел, схватился за голову и побежал молить Катьку о прощении.

Молил где-то с полгода. Но так ничего не вымолил.

Видимо, с горя женился на Людке и свалил вместе с ней в Америку.

А Катька родила Веронику, устроилась на работу учителем математики и жила себе мирно, никого не трогая.

Пока спустя пять лет после рождения Вероники на пороге её квартиры не нарисовалась Людка со своим выгодным, как она считала, предложением.

А заключалось оно в следующем.

В Америке уровень жизни несравним с Российским.

Веронике наверняка будет лучше жить там, нежели здесь.

К тому же Денис её биологический отец и очень хочет жить с дочкой.

И с Людкой.

Поэтому Катька должна отбросить в сторону эмоции, включить холодный расчёт и отдать Веронику отцу.

– Так будет лучше для всех, – подытожила Людка.

Катька молча смотрела на бывшую подругу.

В тот момент в Катькиных извилинах вдруг всплыла вся их с Людкой многолетняя дружба вместе с невысказанными обидами, накопившейся злостью и отчаянным желанием врезать Людке по её наглому ухоженному лицу. За всё, оптом.

Противиться этому желанию у Катьки не было сил.

Она и не стала противиться.

Сняла с кухонного крючка старую чугунную сковородку, замахнулась и что есть силы зарядила Людке в лоб.

И проделала всё это настолько быстро, что Людка даже опомниться не успела.

От удара в ушах зазвенело у обеих.

И на Людкин лоб тут же поползла шишка.

– Я думала, ты умнее, – скривившись от боли, но сохранив при этом гордое выражение лица, Людка ушла из Катькиной квартиры.

А чуть позже – из жизни Дениса.

Как-то так получилось, что детей у Дениса с Людкой не сложилось. А Денис очень хотел семью. И постоянно по этому поводу ныл. И пил. Если первое Людка ещё терпела, то второе терпеть сил уже не было, и Людка Дениса бросила. Правда, сначала через американского друга пристроила бывшего мужа охранником в баре, а уж только потом бросила. Работу Денис потерял по той же причине, что и Катьку с Людкой – из любви к алкоголю. Любовь эта его в могилу и свела. В тридцать пять лет Денис умер в собственной квартире от алкогольной интоксикации.

Катька к тому моменту отметила дочкино 10-летие и, в общем-то, жила счастливо.

Пока однажды её дочурка не упала в обморок на уроках. Потом ещё и ещё.

Четвёртый обморок случился у ребёнка уже в больничном коридоре.

А озвученный диагноз довёл до обморока саму Катьку.

Рак. У её Вероники, у её кровиночки. У единственной славной девочки.

Лечение требовалось не где-нибудь, а за границей.

И деньги на него требовались не малые.

Но откуда им взяться у учительницы математики?

Зато им было откуда взяться у Людки, которая за свою жизнь научилась хорошо зарабатывать (а может, унаследовала эту способность от родителей).

Людка никогда не переставала интересоваться Катькиной жизнью, всегда украдкой спрашивала у общих знакомых, как там дела у подруги. Поэтому о Катькиной беде узнала практически сразу. Как позже сказали врачи – своевременно. Именно своевременно на Катькин счёт поступила вся необходимая Веронике сумма в американской валюте.

И Вероника поправилась.

Полгода провела в лучшей клинике Европы, потом ещё год – в самых прогрессивных реабилитационных центрах мира.

Сейчас живёт, радует маму и сама радуется жизни.

А Катька безуспешно пытается связаться с Людкой. Но телефон Людкин не доступен, в скайпе она не появляется, и следов её вообще нигде не видно.

Всё, что у Катьки осталось от Людки – письмо, которое та прислала ей на электронную почту после того, как перевела деньги: «Вероника поправится обязательно. Ты сама там, главное, не раскисай. И насчёт денег не беспокойся. Ты мне ничего не должна. Это я тебе возвращаю долги. Прости за всё».

История третья. Героиня нашего времени

Надю бросил любовник.

Что, в общем-то, явление обыденное. С этим, конкретным, любовником. Потому как за восемь лет их с Надей знакомства он бросал её с периодичностью раз в полгода. Всегда по одной и той же причине. И всегда по одной и той же причине возвращался.

Сашка, Надина подруга, как-то сказала, что в жизни Надежды есть две постоянные величины: Надя хронически собирается замуж, и Надю бросает Орлов.

С замужем отдельная история.

Дело в том, что Надя туда не особо хочет. Но все вокруг твердят, будто «это ненормально, Надя кривит душой, а на самом деле её туда не берут, только она скорее съест свой любимый кактус, чем когда-нибудь в этом признается».

И где-то раз в два года таки «стреляет». В то самое место Надиных извилин, которые, видимо, отвечают за режим «хочу, как все». Режим этот активизируется, и Надежда старательно изображает из себя «нормальную»: ведёт задушевные беседы с очередным претендентом на мужа, говорит ему «да», сообщает подругам новость, а те проникновенно хлопают в ладоши.

То есть, хлопали. Первые раза три.

А потом перестали, ибо пришло осознание, что всё это – фуфло чистой воды.

Дело ни разу до девичника-то не дошло, куда уж до глобального!

Хотя прошлой осенью Надежда реально чуть не вышла замуж. Даже дата была обозначена. Но до ЗАГСа не дотянула.

Несостоявшийся муж ей тогда ещё сказал: «Странные вы, девочки. Живёте своей привычной жизнью и свято верите в то, что придёт мужчина и всю эту вашу привычную жизнь поломает. Главное, верите и боитесь. Нахрена, спрашивается?»

Будто девочки знают...

Ну да ладно.

Про Надиного любовника.

Тут тоже все затейливо. Познакомились они восемь лет назад, когда Орлов только развелся со своей первой женой. И с тех пор Надежда умудрилась в качестве его любовницы «пережить» ещё трёх его жён.

Справедливости ради следует заметить, что в перерывах между женитьбами Орлов и Надежду пытался «обратить в брачную веру». В ответ натыкался на гримасу, вздыхал и пёрся в ЗАГС с какой-нибудь Ирой. Но дорогу к Наде при этом не забывал.

И где-то раз в полгода в нем включался режим «верный супруг». Орлов проникался любовью к своей очередной жене, страдал от угрызений совести и, как следствие, бросал свою любовницу – Надю, то есть.

Не в смысле – банально переставал звонить и пропадал, а в смысле – реально «бросал». Ну там, с непростым разговором, сложносочиненной смс и непременно с трогательной драматичностью.

Сначала сообщал Наде, что «больше её не хочет», затем «благодарил за понимание» и добавлял напоследок что-нибудь в духе «я просто хочу быть с тобой честным».

Ну, надо же ему хоть с кем-нибудь быть честным, в конце концов?

Потом шло время, режим «верный супруг» снова клинило, автоматически запуская режим «стандартный кобель». И Орлов «возвращался» к Наде, лепеча себе под нос что-то в духе: «Ты – моя слабость».

И Надя его «принимала обратно».

И ей за это совершенно точно никогда не было стыдно.

Во-первых, Орлов хороший любовник. И этого аргумента в принципе достаточно для того, чтобы забить на мораль. Во-вторых, если мужу плевать на то, что он изменяет своей жене, то любовницу, по мнению Надежды, тем более не должно волновать душевное состояние незнакомой ей особы. Ну а в-третьих... не Надя, так другая. Как-то Надежда призналась мне, что поначалу совесть её таки погрызывала. И однажды, когда Орлов первый раз сменил статус разведенного на статус женатика, Надя осторожно поинтересовалась:

– Сколько у тебя было любовниц при первой жене?

Надежда была уверена, что он скажет «нисколько», и приготовилась сдохнуть от этих самых угрызений, как и полагается каждой совратившей невинного телочка паршивке.

Но он ничего не говорил.

Он молчал.

Что Надежду крайне озадачило.

Она с любопытством подняла на него глаза и на мгновение потеряла дар речи: он СЧИТАЛ! Наморщив лоб, поглядывая задумчиво в потолок и по очереди, один за другим, загибая пальцы.

Надина совесть словила увесистый хук и, заткнувшись навечно, отползла в самую глубину души. А вот его совесть так далеко не ползала. И приблизительно раз в полгода напоминала о себе. А потом опять сваливала. И так восемь лет.

Надю всё это крайне забавляло. Потому что по большому счёту не имело к ней никакого отношения. Она не была ЕГО женщиной. А значит «бросить» её он по определению не мог. Невозможно бросить того, кого у тебя нет.

Он «уходил», она закрывала за ним дверь и продолжала жить своей жизнью. Которая была у Нади всегда, независимо от его присутствия или отсутствия.

Надя не сидела у окошка в ожидании любимого, подперев кулачком подбородок. Не претендовала на что-то большее и никогда не метила в жёны.

Потому что её устраивало быть любовницей.

Устраивало не брать трубку поздним вечером или врать про занятость, когда, возвращаясь от друзей слегка под градусом, он звонил ей и просился приехать (жена-то на занятость не могла спереть).

Устраивало, что он не задавал вопросов, где Надя и с кем, когда не с ним (потому что не было у него никаких прав на подобные вопросы).

Устраивало, что его всегда выглаженные рубашки пахнут «Ленором», и это не Надина забота.

Устраивало получать цветы седьмого, а не восьмого марта (восьмое всецело принадлежит жене и теще). И радоваться, скажем, подаренному ко дню рождения новенькому сотовому телефону. Даже двум. Потому что первый не прожил и месяца, попав под зад увесистого электрика, во время ремонта стиральной машины присевшего на табурет, где этот самый телефон лежал.

Орлов, кстати, увидев у Нади тогда новую стиральную машину спросил:

– Откуда она у тебя?

– Друзья скинулись и подарили на день рождения. А что?

– Жена второй год клянчит такую же, а я всё никак не куплю.

Ну да. А Наде два сотовых за один месяц (которые в разы дороже той машинки) – пожалуйста. Надя ведь любовница. С ней, вроде как, положено быть щедрым. Не то, что с женой... И самое главное – Надя никогда не любила Орлова. Ей просто было с ним удобно. С ним и с толпой поклонников, коих в жизни Нади всегда было в достатке.

Но ближе к теме.

В этот раз Орлов снова бросил Надю.

Но что-то в её организме пошло не так.

Главное, стандартный сценарий – драматичность, «спасибо за понимание», все дела...

Но Надю зацепило.

ТАК зацепило, что слышала стук собственного сердца, а слёзы сами по себе покатались долбанными ручьями, размазывая по щекам новенький «мэйбилин-тройной объём». Было горько, обидно, паршиво... ещё как-то было – Надя тогда не смогла распознать, как именно.

И начались звонки подругам с печальной новостью: «Орлов снова её бросил».

– Шо, опять?! – хихикнула Наташка.

– Не новость, – протянула Маринка.

– Ненадолго, – резюмировала Ленка.

– «До встречи через месяц-другой» не сказала? – поинтересовалась Сашка, попивая остывший чай на кухне у Нади.

– Нет. Это реально конец. Потому что надоело.

Сашка удивлённо посмотрела в Надину сторону:

– С чего вдруг? Ничего же нового не произошло. Ушёл и ушёл. Позвони кому-нибудь, развейся.

– Некому звонить.

– Как это?

– Так это. Никого не осталось. Всех разогнала.

Это была чистая правда. За последние полгода Надя постепенно избавилась от всех своих так называемых поклонников.

Ничего не объясняя, молча вычеркивая из жизни каждого по очереди.

Сначала удалила из телефонной книги Игоря.

Затем порвала с Серёгой.

Запихала в чёрный список Илью.

Никто из них ничего плохого Наде не сделал. Но с чего-то вдруг она решила, что им в её жизни больше делать нечего.

Сашка внимательно посмотрела Наде в глаза.

– Дело ведь не в «бросании», верно? Есть что-то ещё?

И что-то ещё действительно было. Только произносить это вслух никак не хотелось.

Перед тем как в очередной раз «порвать с Надей», Орлов сообщил новость.

Его четвёртая жена ждёт ребёнка.

По-моему, Надя в этот момент была за него рада.

Хотя бы потому, что для Орлова стать отцом было великим счастьем, до сих пор недосяжимым. У двух последних его жён были дети от предыдущих мужей, а вот у Орлова не было. А он очень хотел.

Где-то в 25 лет начал хотеть, но получилось только в 39.

И только с четвёртой женой.

Действительно, до любовницы ли теперь...

– Четыре недели всего. Кроха совсем... Но МОЙ кроха. Представляешь, я отцом стану!!!

– Круто. Не, правда круто! – радость среди испытываемых Надей эмоций в тот момент была точно. Но затесалось среди них что-то ещё...

Какое-то такое чувство, которое испытывает человек, когда очень сильно чего-то хочет, а тут узнаёт, что это получил кто-то другой.

Ну, или другая.

И становится не просто грустно.

Становится как-то очень-очень грустно.

Потому что Наде вот-вот стукнет тридцать.

И она отчаянно, до боли в сердце, хочет ребёнка.

Она хочет, а у Орловской жены будет.

– Я правда за него рада, – почти шёпотом убеждала нас Надежда.

И мы прекрасно понимали, что хреново ей было вовсе не потому, что Надя хотела на место Орловской жены, а потому что на своём месте хотела того же. Она ведь и мужиков всех своих разогнала только потому, что подсознательно начала рассматривать их в качестве претендентов на отцовство и не сочла достойными. А раз так, то и нечего на них время тратить.

Оставила Надежда в своём окружении только близкого друга Саньча.

Одного из немногих представителей мужской братии, кто целиком и полностью соответствовал Надиному пониманию слова «Мужчина». Когда-то давно, после бурной студенческой вечеринки они проснулись под одним одеялом. Обменялись похмельными взглядами, напомнили друг другу свои имена и... продолжили с того момента, на котором остановились минувшим вечером. А потом каким-то сказочным образом Надежде удалось, выбравшись из его постели, задержаться в его жизни на целых двенадцать лет в качестве девушки-друга.

Не то, чтобы Саньч хотел видеть Надю в качестве девушки-друга, просто Надю никакое другое качество не интересовало. С Саньчем ей тоже было удобно. Тепло, уютно, надёжно, как за каменной стеной...

Он всегда был рядом. Выручал в трудную минуту. Бежал по первому Надиному зову вытирать ей слёзы. И никогда ничего от неё не требовал взамен.

Осознав свою печаль относительно расставания с Орловым, Надежде жутко захотелось к Саньчу. Просто позвонить, понюхать, услышать в ответ какую-нибудь язвительную хрень и вернуть, наконец, к себе своё привычное расположение духа.

– Ты куда-то пропал совсем. Влюбился, что ли? – хихикнула в трубку Надя.

– Ну...вообще, да, – стесняясь, ответил Саньч.

Надежда опешила. Затем переспросила:

– Что, вот прям влюбился?!?

– Да.

– И у вас всё хорошо?

– У нас всё просто замечательно, – его голос не оставлял и тени сомнений, что всё именно так и есть. – И знаешь, я скоро стану отцом...

– Круто! – ответила Надя, – Очень за тебя рада.

И она правда была рада. И за него тоже.

Очень рада! Серьезно!

Застрелиться прям можно, как она, блин, сильно за всех тут счастлива!..

Жизнь – дерьмо.

История четвёртая. «Будь счастлива. Пашка»

Ксюха грезилась Манхеттенем, сколько себя помнит.

Строила планы, мечтала о квартире на какой-нибудь авеню, а пока «репетировала жизнь» в Благовещенске. Получалось не очень. Потому как мешал один существенный недостаток – отсутствие в её организме даже зачатков пунктуальности.

Опаздывала Ксюха везде и всюду.

Причём, тенденция прослеживалась с самого рождения.

Ибо разбавила своим новорожденным криком этот свет она на пару недель позже назначенного срока.

И первую в своей жизни школьную линейку посетила непосредственно перед заключительной речью директора (долго не давала маме вплести в её косы белые гигантские банты).

Вступительные экзамены в университет сдавала с трёхнедельным опозданием и по личному «ходатайству» друга семьи, водившего близкое знакомство с ректором.

А на собственную свадьбу так вообще не явилась.

Потому что опоздала на сутки.

Предварительно опоздав на самолёт.

Который должен был доставить её из Московской командировки на Амурскую землю.

Главное, предупреждали ведь её все, кто хорошо с этой особой знаком: «Откажись от командировки! Не твоё это – прилетать за день до свадьбы! Даже не рискуй!»

Рискнула.

И не прилетела.

И не вышла замуж.

Несостоявшийся супруг, помнится, тогда сильно обиделся.

Правда, есть ещё версия, будто сильнее обиделась его мама.

А под её влиянием – все родственники со стороны несостоявшегося супруга.

И ему, вроде как, ничего другого не оставалось, как подчиниться большинству и, гордо прихватив чемоданы с билетами на Мальдивы, на эти самые Мальдивы и укатить.

Вместе с мамой.

А Ксюха пожала плечами и продолжила жить дальше, опоздав в следующий раз уже на вакансию своей мечты.

Ну, не стал работодатель её ждать дольше сорока минут!

Пригласил другого соискателя.

Того самого, который нарисовался часом раньше и покорно ждал своей участи в коридоре.

Работодатель с ним договор и подписал.

Ксюха как раз застала момент, когда тот, блаженно выскочив из кабинета, размахивая свежеподписанными бумажками, помчался в сторону отдела кадров.

– Вот чёрт, – психанула тогда Ксюха.

И со злости открыла своё дело.

И даже партнёра по бизнесу себе нашла.

Умного, надёжного, не в пример себе пунктуального Лёшку.

Который в своё время не опоздал в заповедник идеальных женщин и перед самым его закрытием отхватил эксклюзив в лице своей жены Наташки.

Всю безнадёжность своего жалкого положения хронического «опоздуна» Ксюха осознала в момент, когда увидела Пашку, Лёшкиного старшего брата.

Она и сама не знает, что именно тогда свело её с ума.

Его глаза? В них стоит лишь один раз взглянуть, и ты почти физически ощутишь абсолютное погружение в нереальность, которую не захочешь покидать ни за какие печенки.

Его улыбка? Обезоруживающая, гипнотизирующая и парализующая в нелепом блаженстве, вынуждающем так и умереть, не приходя в сознание.

Ямочка на его щеке, когда он улыбается?

Видели бы вы эту ямочку! Такие ямочки следует запретить законом! А их обладателей штрафовать в пользу потерявших от них голову барышень.

И чтоб уж наверняка – изолировать от общества.

И обладателей ямочек, и барышень.

Причём, не разделяя друг от друга тех и других.

– Опоздала, мать, – шепнула Наташка Ксюхе на ухо, когда та пребывала в состоянии гипноза от встречи с Пашкой. – До тебя здесь уже побывала Лиля. Они поженились пару лет назад, дочке годик недавно исполнился.

«Супер!» – подумала Ксюха, совершенно не удивившись тому, что услышала, но как никогда до этого, расстроившись.

Потом встряхнула головой и решила забить.

Но не забивалось.

Ибо голову от Паши Ксюха потеряла основательно.

Лёшка хихикал, Наташка сочувствовала, а Ксюха страдала.

Время от времени они с Пашкой пересекались.

Он заезжал за братом, параллельно встречался глазами с Ксюхой, открыто ей улыбался и сводил с ума своей ямочкой.

Ксюха вздыхала, закрывала офис, затем шла домой, обнимала подушку и засыпала с мыслями о ямочке.

Как-то во время «корпоратива» им даже удалось поговорить друг с другом не о делах, а что называется, «о жизни».

Пашка рассказал Ксюхе о своих банальных мечтах построить дом, воспитать дочку и пару сыновей и состариться рядом со своей любимой Лилей.

А Ксюха поведала Пашке о своих глобальных планах эмигрировать в Америку, поселиться где-нибудь на Манхэттене и жить себе в удовольствие.

– Замуж и детей не хочешь? – спросил тогда Пашка.

– Хочу, – призналась Ксюха. Но не стала уточнять, за кого и от кого.

Зачем эта информация женатому Пашке?

Через три года, когда их совместный с Лёшей бизнес был продан, деньги поделены, а рабочая виза в Нью-Йорк оформлена, Ксюха закатила прощальный банкет.

И впервые за всю свою жизнь не опоздала.

Зато опаздывал Пашка.

Сначала на 15 минут, потом на 30.

Лёшка сумел дозвониться до брата только через час.

Ответила Лиля:

– Пашку увезли в больницу.

Пашке повезло.

Рак обнаружили на ранней стадии.

И принялись лечить.

Врачи, семья, друзья и близкие.

Чуть позже стало ясно, что Пашку надо вести в Москву и делать операцию.

Как разгодились Лёшкины деньги от проданного с Ксюхой бизнеса.

Ещё позже выяснилось, что одной операции недостаточно, и в ход пошли деньги, которые Ксюха «отложила» на Манхеттен.

Лили на тот момент уже не было на горизонте.

Умудрившись продать их с Пашкой квартиру, она сбежала в Краснодарский край с дочкой и новым мужем.

– Будь ты на моём месте, поступила бы так же, – заявила она потом Ксюхе в трубку во время их единственного разговора по телефону.

Но Ксюха не была на Лилином месте.

Ей и на своём месте забот хватало.

Пашка очень переживал.

Особенно из-за побега жены. Ссорился с родными, умолял прекратить тратить на него деньги и начать жить своей жизнью, забыв про всякие призрачные надежды на его выздоровление.

Но все его стенания отправлялись в жёсткий игнор, и Пашка шёл на поправку.

В сопровождении Ксюхи.

Которая всё время находилась рядом с ним.

Она была для него сиделкой, медсестрой, санитаркой...

Меняла простыни, выводила на прогулку, ставила уколы, следила за приёмом лекарств...

Просто она не могла уйти.

А он и не выгонял.

Когда через полтора года обследование засвидетельствовало полную капитуляцию Пашкиной болезни, Лёшка с Наташкой организовали по случаю праздничный выезд на природу.

Тогда Пашка первый раз поцеловал Ксюху.

Заботливый брат с невесткой даже отдельную палатку для них приготовили.

И затаив дыхание наблюдали за развитием событий.

Которые, кстати, развивались стремительно.

Ксюха устроилась на престижную работу, Пашка тоже постепенно вставал на ноги. Вместе они жили на первом этаже дома, который вот-вот должен был достроиться под чутким Пашкиным руководством.

Все вокруг были довольны жизнью и обстоятельствами, пока на Ксюхином горизонте не замаячила перспектива шестимесячной командировки в Нью-Йорк.

– Поедешь? – спросила её Наташка, когда во время очередных семейных посиделок они под шумок вдвоём ушуршали на кухню.

– Нет, – сказала, как отрезала Ксюха.

– Ты же об этом мечтала, – аккуратно напомнила Наташка.

– Мечты меняются, – пожав плечами, ответила Ксюха. – К тому же Пашка не поедет, а без него мне никакой Манхеттен не нужен.

А ещё через месяц хмурый Пашка сообщил Ксюхе о том, что им нужно поговорить.

– Ксюш, я возвращаюсь к Лиле.

– Что, прости? – решила, что не расслышала, Ксюха.

– Лиля вернулась, моя жена, – серьёзным тоном продолжил Паша. – Она сожалеет о своём поступке, хочет снова семью, у нас дочь. Ты должна понять...

– Ни хрена я тебе не должна, – ответила Ксюха, после чего развернулась и ушла.

Куда именно ушла – она не помнит.

Её через пару часов поймал Лёша в центре города, идущую по проезжей части навстречу машинам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.